

Джеймс Гильом.

(воспоминания П. А. Кропоткина[1])

Я познакомился с Джеймсом Гильомом в 1872 году. Получив отвращение от всего того, что мне пришлось увидеть в Романской Федерации Интернационала, в Женеве, где марксисты, во главе с Утиным, старались повернуть рабочее движение на путь парламентаризма – я решил познакомиться с другим течением в Интернационале, во главе которого стояла «Юрская Федерация». С этой целью я обратился к «бакунисту» Жуковскому и просил его дать мне рекомендательные письма к деятелям Юрской Федерации. Жуковский направил меня к Джеймсу Гильому, в Невшатель.

Здесь я попал в совершенно иную среду, чем в Женеве.

В Женеве во главе движения стояли небольшие комитеты вожakov, которые и стремились руководить всем движением и говорили от имени рабочих. Так, например, когда женевские строительные рабочие хотели объявить всеобщую стачку, вожаки движения старались подавить эту стачку. «Стачка, говорил мне Утин, отрицательным образом отзовется на кандидатуре Амберни». А этот Амберни, который выставил свою кандидатуру в члены Кантонального Совета, был адвокат – радикал, для которого насущные интересы строительных рабочих имели такое же значение, как прошлогодний снег, но, вожаки Романской Федерации хотели провести Амберни в депутаты так как, говорили они, «он может многое сделать». Ввиду этого следовало принести в жертву интересы рабочих.

В Невшателе поведение вождей рабочего движения было иное. Я нашёл Джеймса Гильома, – которого Утин и его друзья называли вожакom Юрской Федерации – в рабочей блузе в его небольшой типографии, где он работал как корректор. В этот момент он исправлял последние оттиски своего небольшого журнала. Он сам заготавливал также и бандероли с адресами друзей и товарищей, которым должен был быть послан этот журнал. «Сегодня у меня не будет свободного времени вплоть до 11 часов ночи, сказал он мне, продолжал работать, – и так я буду занят дня три».

Я предложил ему мою помощь в надписывании адресов, чтобы он мог таким образом уделить несколько минут для разговора со мной. Но, фактически оказалось, что я помочь ему не могу. Адреса он писал на память, или же с листка, покрытого какими-то кабалистическими знаками вроде следующих: «Ж. м. С. Н. р. Ш. Р. Н», что означало: «Жиро, монтер, в Сонвилье. Николэ, рессорщик, в Шо-де-Фоне; Робер в Невшателе», и т.д. Что мог

понять в этих знаках иностранец?

«Сегодня после обеда, добавил Гильом, придётся складывать журналы и заклеивать бандероли».

Это дело было гораздо легче писания адресов, и я немедленно же предложил свои услуги.

«Уж это я, наверное, сумею сделать так же хорошо, как и вы сами; за это я ручаюсь».

Я тут же взял пачку номеров журнала, бандероли и горшок с клеем и принялся за работу. Рядом со мной работал один наборщик и сам Гильом, быстро писавший адреса, обмениваясь в то же время замечаниями и шутками с другими наборщиками.

Какой контраст по сравнению с женевскими вождями Интернационала! Я не мог прийти в себя от удивления.

В этот же вечер у меня была очень оживлённая беседа с Гильомом, во время которой он познакомил меня с рабочим интернационалистическим движением в Европе. На следующий день я отправился «в горы», в промышленные местечки Бернской Юры – в Сонвилье и Сент-Имье, где я находил ту же атмосферу равенства, тот же дух независимости и братства.

Здесь я нашёл очаг, где вырабатывались новые идеи, которые помогут пролетариату создать новый общественный порядок...

После этой моей первой поездки в Европу я снова попал туда спустя четыре года после этого, т.е. в 1876 году.

Первое письмо, которое я написал, когда я прибыл в Англию, после моего побега из России, – было письмо Джеймсу Гильому. Это было накануне Бернского конгресса Интернационала, на котором, как мне писал Гильом, он надеялся, над свежей ещё могилой Бакунина, объединить, или, по крайней мере, установить дружеский союз, между федералистским Интернационалом и немецкой социал-демократией. Гильом считал это возможным и горячо над этим работал. Как известно, это были тщетные надежды.

Несколько месяцев спустя я снова очутился в Юре, в Невшателе и в Шо-де-Фоне; я прожил там целую зиму и близко подружился с Гильомом, глубоко полюбив его.

Некоторые представляют Гильома фанатиком, сухим и резким человеком. Это совершенно неверно. Когда дело требует работы, Гильом, действительно, являлся суровым и прилежным работником. Когда нужно дать отпор идейному противнику – он едкий полемист. Но когда нужно серьёзно обсудить линию поведения, которую следует выбрать, или когда приходится сделать какой-либо решительный шаг, то трудно было найти человека более примирительного, более готового искать практического разрешения; более устойчивого, стремящегося сохранить нетронутыми лишь самые основные свои принципы. Его глубокая искренность всегда поражала даже его противников; она ярко светила в его глазах.

Чтобы иметь ясное и действительное представление о Гильоме, как человеке, его нужно было видеть в тесном кругу среди рабочих. Здесь он был всегда готов ответить шуткой, всегда был готов спеть какую-нибудь из своих многочисленных революционных песенок, или же серьёзно обсудить какой-нибудь вопрос теории и практики рабочего движения. Нужно было видеть его в этой среде, чтобы понять хорошо тот глубоко народный дух равенства, который одушевлял его.

Как Бакунин, Элизе Реклю и Эррико Малатеста, – Джеймс Гильом пришёл в рабочее движение не для того, чтобы руководить этим движением, а чтобы отдать ему свои способности, свои знания и свой энтузиазм. И он со своей стороны, содействовал тому, чтобы придать характер равенства во взаимных отношениях людей и антиавторитарный дух в стремлениях рабочих; как раз именно то, чего не доставало в движениях политических, начиная от жирондистов 1792 года и кончая современными «жирондистами», социал-демократами двадцатого века.

Я написал эти строки и знаю, что читатель из социалистов-политиков не поймёт почему я придавал такое значение этой «народнической» черте.

«Разве не все мы демократы?» - спросит он. Но в этом «народническом» направлении, которое принял Интернационал в латинских странах, особенно после конгресса в Гааге в 1872 году есть нечто бесконечно более важное и ценное, чем «демократизм». Это пробуждение пролетарского духа.

Для того, чтобы восторжествовать, Социальная Революция должна быть созидательницей новых форм общественной жизни, а эта созидательная сила может явиться только из самой среды народных масс – от тех, кто сам своими руками добывает, обрабатывает и изменяет продукты природы и образует в своей совокупности общество производителей.

Созидательная сила социальной революции не может явиться из книг и учёных трактатов. Книги – это прошлое, они могут, иногда, разбудить дух критики и возмущения. Но они совершенно не способны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого необходимо следовать внушениям самой жизни. Наилучшие книги рисуют нам только прошлое. Фаланстер Фурье, Коллективистское государство Видаля, Пеккера и марксистов – это, в сущности говоря, всё та же Республика Платона, даже с её рабством, которое воскресает под видом заработной платы. А то, что есть ценного у Фурье – взято им из народного движения II года Республики, когда французский народ думал социализировать обмен продуктов первой необходимости.

«Но, как вы удалились от нашего друга, Джеймса Гильома», – скажут мне. Этого я не думаю. Но, если бы это и было так, то он простит меня. Сказать, что он был – по своей природе, по своему образу мысли, по своему чувству ненависти ко всякой власти, одним из тех, которые содействовали пробуждению созидательного гения рабочих масс, – он знает, что я не смог бы сказать большей похвалы своему другу.

Пётр Кропоткин.

